

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт
ФГБУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

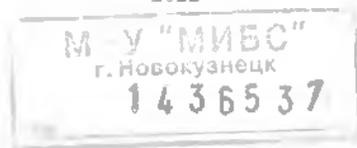
200-летию Ф. М. Достоевского посвящается

ПУТЬ К ДОСТОЕВСКОМУ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Коллективная монография

Новокузнецк - Красноярск

2022

Глава 2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В главе охарактеризована художественная рецепция жизни и творчества Ф. М. Достоевского, воплощённая в творчестве новокузнецкой поэтессы Любови Алексеевны Никоновой (1951-2012). Проблема усвоения и творческой переработки современным автором Л. А. Никоновой образов, тем, проблем, мотивов Достоевского и понимания его личности в целом ставится комплексно в литературоведении впервые, использованы ранее неизвестные научному сообществу материалы: экспонаты личной писательской коллекции Л. А. Никоновой, хранящиеся в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (НЛММД, Новокузнецк), а также воспоминания близких ей людей – родственников, друзей, коллег.

Влияние знаменитого русского классика на творческое сознание регионального автора-современника рассматривается многоаспектно, в частности на уровне тем, мотивов и образов цикла «Волна блаженства и волна страдания». Особое внимание уделено содержательной и стилистической специфике художественной публицистики Л. А. Никоновой, посвятившей свои размышления такому знаковому событию, как венчание Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой.

Представлена история постановок по произведениям Ф. М. Достоевского на сцене Новокузнецкого драматического театра и других учреждений культуры региона. Выполнена семантико-стилистическая характеристика оценочных средств на материале текстов, представленных на сайте городской газеты «Кузнецкий рабочий». Отобранные медиатексты содержат отклик на постановки творческой лаборатории «Достоевский FM. Современное прочтение» (Новокузнецкий драматический театр).

2.1. Ф. М. Достоевский в творческом сознании новокузнецкого писателя Л. А. Никоновой

2.1.1. «Обжигающее имя – Достоевский»¹

Тема «Ф. М. Достоевский в творческом сознании писателя Л. А. Никоновой» принадлежит к разряду очевидных, «лежащих на

---

¹ Параграф основан на материалах статьи: Трухан Е.Д. «Обжигающее имя – Достоевский» (Ф. М. Достоевский в творческом сознании новокузнецкого писателя Л. А. Никоновой). Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспяковых: сборник научных статей науч. ред. В.М. Телякова; отв. ред. И.А. Пушкарева. Новокузнецк: КППИ КемГУ; Красноярск: Sital, 2021. С. 391–409

поверхности», но в силу разных причин неизученных. Она входит в широкий круг тем, раскрывающих особенности процессов рецепции и культурной традиции XIX века писательским сообществом XX–XXI веков, и является частью научных изысканий, посвященных диалогу большой классической литературы и региональной.

Цель исследования – показать основные моменты вхождения литературного наследия Федора Михайловича Достоевского в художественный мир современной кузбасской писательницы Л. А. Никоновой на уровне тем, проблем, мотивов, образов и восприятия его личности русского романиста в целом. Это позволит определить особенности восприятия художественного мира Достоевского и его персоны одним из представителей современной региональной литературы, «элитарной языковой личностью» [Пушкарева, 2020, с. 211], которая значима в культурной жизни города Новокузнецка и региона в целом [Имя в истории города]. [Литературная карта Кузбасса], [Протопопова Е.Э. 400 знаменитых новокузнецчан].

Глубокая, многоаспектная взаимосвязь творчества кузбасского поэта, прозаика и публициста Любови Алексеевны Никоновой (1951–2012) с наследием Ф. М. Достоевского прослеживалась всегда. Некоторые ценные замечания по этому поводу высказывали в своих литературно-критических трудах И. А. Пушкарева, А. С. Сазыкин, Е. Г. Колядич. Но, тем не менее, до настоящего времени проблема постижения Любовью Никоновой жизни и литературного наследия Достоевского, особенностей проживания и переживания ее творческим сознанием художественного мира классика мировой литературы, не ставилась в научной среде как самостоятельная.

В данной статье влияние Ф. М. Достоевского на Л. А. Никонову рассматривается как масштабное, комплексное, системное и долговременное явление, требующее глубокого постижения и тщательного литературоведческого анализа. Благодаря такому подходу возможно показать процесс вхождения Слова Достоевского в творческое сознание и авторский текст писателя-современника, указать на определенные вехи в писательской эволюции.

Образ Достоевского в творчестве Никоновой и ее личной писательской судьбе представляется одной яркой и очень емкой авторской метафорой – «обжигающее имя». Это словосочетание возникло в эссе «Лик города» [Никонова, 1998, с. 7], опубликованном в 1998 году в альманахе «Здравствуй, мир!», который издавался педагогами и учащимися новокузнецкой школы № 27. Любовь Алексеевна долгое время работала там учителем, вела литературную студию «Фесковские

литераторы» и в течение 15 лет выполняла функции литературного редактора данного школьного издания.

Определяя исторические ценности Новокузнецка в «Лике города», Любовь Алексеевна называет его главные культурные символы – «священные камни» [Никонова, 1998, с. 7]. Наряду с Кузнецкой крепостью, «восстающим из руин Спасо-Преображенским собором» [Никонова, 1998, с. 7], в этот список также входит имя Достоевского и те биографические события, которые связали его с городом:

«И любого человека, равнодушного к отечественной культуре, ведет в старую часть города обжигающее имя – Достоевский! Кузнецк тем знаменит, что здесь пережил глубокую драму и венчался гениальный писатель» [Никонова, 1998, с. 7].

Давая метафорическое определение «обжигающий» образу русского классика, Л. А. Никонова тем самым вписывает его в историю и культуру Новокузнецка, города горно-металлургического, а значит – огненного. Она представляет Достоевского как органичную часть городской среды, одну из многочисленных, но заметных, его искр или звезд. В контекст собственных размышлений о городе, в ряд духовных коллективных ценностей она вводит образ Илии Пророка, православно-христианского небесного покровителя Кузнецка, которого *«еще в младенчестве «мужчи благообразные пеленали огнем и питали пламенем огненным» и который в конце земного пути – за святую жизнь и пламенную веру живым был вознесен на небо на огненной колеснице»* [Никонова, 1998, с. 7]. Таким образом, в ее творческом сознании гармонично соединяются разные лики города – «огненные» имена (Достоевский, Илья Пророк) и явления (христианство, промышленность, культура, творчество), которые постоянно переплавляют (или преображают) телесное в духовное:

«В Новокузнецке, городе металлургов, много огня. Наверное, это не просто физическое пламя, но огонь веры, надежды и любви» [Никонова, 1990, с. 7].

Непосредственно связанное с огнем, причастие «обжигающий», которое в восприятии Никоновой характеризует образ Достоевского, имеет согласно Большому толковому словарю русского языка прямое и переносное значения: 1. «причиняющий сильную боль, вызывающий ощущение жжения», 2. «пробуждающий внезапное сильное волнение» [Большой толковый словарь русского языка]. В художественном мире Любви Никоновой, где постоянно обнаруживаются и обнажаются связи между случайным и закономерным, современным и древним, живым и неодушевленным, природным и техногенным, где происходят глобальные метаморфозы вневременного и сиюминутного, указанные значения органично сосуществуют, дополняют и обогащают друг друга. Это острое

опущение связи телесного и духовного, вечного и текущего, несомненно, несет свою традицию от художественного мира Достоевского.

«Обжигающий», с точки зрения Никоновой, – это не только внутреннее свойство Достоевского как художника слова и созданного им художественного мира, способного воздействовать на человека с разной степенью данного качества. Это еще и очищение, и закалка огнем – физическим и духовным. Семы очищения, противостояния, выносливости и закаленности очень значимы в интерпретации образа Достоевского Л. А. Никоновой, характерны для ее авторского стиля, но не исчерпывают всей смысловой насыщенности метафорического образа.

Важно отметить, что лексема «обжигающий» содержит в себе антонимичные смыслы – холод и жар (например, «обжигающий лед» и «обжигающий пламень»). Именно антонимичность всегда была и остается одной из характерных черт романной поэтики Достоевского. К тому же появление таких антонимичных смыслов, как холод и жар, ассоциативно адресует читателя к творческому наследию любимого Достоевским автора А. С. Пушкина, к его роману «Евгений Онегин» (*«Они сошлись. Волна и камень. Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой...»*).

В никоновском «Лице города» слово «обжигающий» благодаря контексту его употребления приобретает и еще несколько значений: 1. «Являющийся равнодушным». 2. «Не оставляющий других читателей равнодушными». 3. «Воздействующий на человека равнодушного <к культуре, истории, старине, городу и др.>». 4. Указующий дорогу людям равнодушным, ведущий по правильному пути, путеводный. Таким образом, в слове «обжигающий» появляется осознанный яркий акцент преобразующего воздействия на духовную человеческую природу, на читателя. Момент духовного преобразования личности – одна из ключевых составляющих литературной традиции Достоевского.

Найденная Л. А. Никоновой метафора «обжигающее имя» непосредственно связана с особенностями чтения произведений классика мировой литературы. Их нельзя «проглотить» залпом, «без вреда для здоровья». Достоевского следует «вкушать» постепенно, «маленькими глотками», ибо его текст может стать для неподготовленного читателя «испепеляющим, обугливающим, огненным, ожигающим, опаляющим, прижигающим, припекающим, раскаленным» [Словарь синонимов]... Так или иначе, но «следы» от прочтения произведений Ф. М. Достоевского, как ожоги, навсегда остаются и в памяти, и в сердце каждого. Человеку равнодушному, как его определяет Никонова, они не дают покоя, не могут позволить жить по-старому. В этом смысле состояние читателя

после знакомства с книгами Достоевского более масштабно, почти катастрофически, описал философ, литературовед, историк культуры Карен Свасьян в работе «Достоевский и несть ему конца. К 100-летию со дня смерти»:

«... во всяком случае, прежняя незыблемость нравственных твердынь раздается трещинами гнозиса самопознания. Я раздвоится: теперь оно уже не способно выбирать между прежними добром и злом. Альтернатива между добром и злом оказывается альтернативой между двумя ущербностями...» [Свасьян К. А. Достоевский..., с. 137-138].

К числу таких равнодушных читателей, получивших «ожог» от общения с Достоевским, без сомнения, принадлежала и Любовь Алексеевна Никонова. Его произведения вошли в жизнь будущей писательницы в подростковом возрасте – в 15-16 лет. В это время она уже переехала из родного села Владимировка Хворостянского района Самарской области в город Новокузнецк, жила с семьей своей старшей сестры Валентины Алексеевны Смотрителевой и училась в старших классах средней общеобразовательной школы № 93 Заводского района. Известно, что в юности писательница даже заводила отдельные тетради, чтобы переписывать в них от руки фрагменты произведений великого романиста [Колянич, 2013, с. 43]. А в студенческие годы писала дипломную работу, посвященную жизни и творчеству Ф. М. Достоевского¹. Возможно, она чувствовала близкого по духу автора, у которого *«все забытое судьбою, несчастное, хворое и бедное находило <...> особое участие»*² [Селезнев, 1990, с. 171].

Так или иначе, но с этого времени и до конца жизни Ф. М. Достоевский вошел в круг читательских интересов Никоновой, а его литературные образы, темы, проблемы и мотивы стали частью ее творческого сознания. Процесс этот не был легким и гладким. Напротив, вызывал внутренние писательские споры, притяжения и отталкивания, вовлекал в клубок отчаянных противоречий. На это, например, красноречиво указывают строки письма Любови Алексеевны от 16 октября 1982 года, адресованные подруге-однокурснице Валентине Андреевне Куртовой:

---

¹ По сообщению Ольги Никифоровны Голиковой, бывшего библиотекаря Кузбасской православной духовной семинарии (Новокузнецк), знакомой Л. А. Никоновой

² Для сравнения: «Были от тебя перед праздниками 2 письма. Мне особенно понравилось второе, где в числе прочего говорилось о «хрменьких и забытых». Не вижу неврастении в том, что ты любишь хрменьких» <...> Я всегда жалел и жалею всех тихих, робких и слабых. И чем больше становится «рвней и выжиг», тем заметнее на этом беззащитном фоне безответные и забытые существа» (Из письма Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой Новокузнецк 27 ноября 1982 г. ИЛММД, Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись ВХ 16. Лист 1).

«Валя, ты просишь написать все, что я знаю об Исаевой и Достоевском. Знаю я мало. Но о Федоре Михайловиче у меня складывается мнение очень противоречивое. Мне кажется, что Н. Страхов в своем «клеветническом» письме к Толстому писал о Достоевском истину. А вообще, Валя, все приходит с опозданием. Когда-то я ничего лучше и выше Достоевского в литературе не видела. Вот тогда бы и надо было мне водвориться в этот музейчик (но тогда музея не существовало). А сейчас я далека от мира Достоевского. Далека.

Помнишь, в «Братьях Карамазовых» он говорит о людях, для которых важнее всего не деньги, не положение, а важно «вопрос разрешить». У меня тоже есть «вопрос», очень, кстати, близкий к вопросу, которым задавался Иван Карамазов. Но каждый разрешает свои вопросы по-своему. Пути Достоевского мне не нравятся» [Письмо Л. А. Никоновой 16.10.1982, л. 1].

Тем не менее, работа в музее как новый этап погружения в жизнь и творчество Ф. М. Достоевского, новый этап их постижения, заставили Никонову вновь откорректировать собственную позицию. В зрелости Федор Михайлович стал для нее настоящим духовным маяком, освещающим крестный писательский и личностный путь, указующим верное направление. В 2009 году, отвечая на вопросы анкеты почетных читателей, специально разработанной специалистами городской библиотеки им. Н. В. Гоголя, она назвала самые любимые, дорогие и близкие сердцу его творения: «Преступление и наказание», «Идиот», «Кроткая», «Братья Карамазовы». Они вошли в «Драгоценный список любимых литературных произведений», ставший частью материалов Любви Никоновой «Сокровенное свечение: из опыта читателя-писателя» (2009). Имя Достоевского значится в «Драгоценном списке...» под номером 1. Перечень его произведений располагается сразу после «Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа», которому Л. А. Никонова не присвоила никакого номера. Сегодня никоновский «Драгоценный список...», но уже в рукописном варианте, хранится в личном писательском фонде в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского.

«Сокровенное свечение» содержит аксиологически значимые для нас сведения о читательских предпочтениях Любви Алексеевны и помогает продвинуться в постижении темы взаимодействия двух разных эпох, двух литературных миров:

«В подростковом возрасте открыла для себя Блока и Достоевского. Это мои самые большие литературные привязанности. У Достоевского шла что-то бесконечно близкое, интонации о. Василия. А когда в 1968

году посмотрела уже в Новокузнецке фильм Ивана Пырьева «Братья Карамазовы», была потрясена невероятно: старец Зосима, изображенный там, будто явился из Владимировки: так сильно напоминал он нашего доброго батюшку о. Василия... Далее мои литературные интересы двигались в русле христианства. Без знакомства с книгами Достоевского это было бы невозможно...» [Никонова Л. А. Сокровенное свечение, л. 1, 2].

Никонова воспринимает Достоевского как «что-то бесконечно близкое», родное и родственное по духу. Неслучайно в ее творческом сознании организуются связи: между литературным миром Достоевского и миром реальным - селом в Среднем Поволжье, где она появилась на свет и выросла; между знакомым ей с детства человеком - отцом Василием – и Достоевским как автором-рассказчиком. Близкая Никоновой частичка художественного мира великого романиста, а именно - православная христианская составляющая его литературного текста, обнаруживается писательницей во времени настоящем, у знакомого ей лично деревенского священника. Произносимое им с особой интонацией православное библейское Слово, ассоциирующееся именно с Достоевским, именно тогда становится узнаваемым Никоновой. То есть Слово библейское и Слово Достоевского, основанное на нем и ведущее к нему, преодолевают время и через века оказываются живыми, актуальными, вечными. Такой подход к пониманию Слова как категории вечности, как метафоры вечной жизни, исключительно важен для Никоновой, считавшей Достоевского-писателя своим проводником в постижении духовных основ православного христианства, их непреходящей ценности.

Напомним, что Никонову в текстах Достоевского притягивало не только родственное по духу содержание, но и «*интонации*». С одной стороны, этот факт раскрывает одну из особенностей ее художественного мышления – необыкновенную восприимчивость к музыке, являвшейся неиссякаемым источником вдохновения, а с другой – ее понимание художественного слова в целом. Текст Достоевского «оживляется» в ее сознании через мелодику речи, громкость, темп, тон, ритмику, особенности фонации и др. Музыка активно помогает Никоновой закрепить результат собственных догадок и интуитивных прозрений о «путеводности» Слова Достоевского, о его пророческой силе.

Но не только мелодическое звучание выполняет эту функцию. Во фрагменте «Сокровенного свечения» возникает еще один глобальный творческий ресурс – кинематограф. Такая культурная скрепа характерна для Никоновой. Во все периоды творчества она активно апеллировала ко многим видам искусств: мировой литературе, музыке, живописи, танцу,

кино, театру. В них, как в неиссякаемом живоносном источнике, искала подтверждения собственным прозрениям, с помощью них аккумулировала, удерживала и углубляла духовный и писательский опыт. Чужие и запоминающиеся образы других искусств сильно воздействовали на кузбасского автора, становились импульсами к творчеству, постоянными спутниками вдохновения и помогали лучше, но уже на более глубоком уровне осознавать и интерпретировать художественный мир Достоевского.

В этом смысле показательным творческое сотрудничество Любови Никоновой с художником Германом Порфирьевичем Захаровым (1933–1992), автором произведений, посвященных Достоевскому и появившихся в 1980-е годы: портретов «Бессмертие», «Кузнецкий венец», «Вечный вопрос», цикла графических работ о М. Д. Исаевой и др. Любовь Алексеевна часто беседовала с ним, посещала его мастерскую, интересовалась творческими планами, иногда встречалась в доме их общего друга – поэта Игоря Киселева¹, автора предисловия к ее первому поэтическому сборнику «Скрипичный ключ» (1974), присутствовала на открытии выставок Захарова и даже лично, по заданию администрации Новокузнецкого краеведческого музея, доставляла его картины в музейное собрание.

«Кузнецкий венец», по мнению Л. А. Никоновой, является главной в наследии Г. П. Захарова работой, посвященной Достоевскому. О доставке этой работы в музей она неоднократно рассказывала и писала. В статье «Духовной жаждою томим» она обращает внимание на то, как художник передает внутреннее состояние писателя и его супруги:

«Наиболее известна картина «Двойной портрет Достоевского и Исаевой» или «Кузнецкий венец» (оргалит, масло). Если даже не знать сюжета кузнецкой драмы Достоевского, все равно по картине можно догадаться, что изображенные Захаровым люди – мужчина и женщина – связаны отношениями напряженными, болезненными, о чем говорит узел переплетенных рук...» [Никонова Л. А. Духовной жаждою..., л. 1].

Особым этапом постижения Достоевского стал для Любови Никоновой период ее работы научным сотрудником Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, в то время – филиала городского краеведческого. На постоянной основе она здесь проработала с 1982 по 1987 годы, а затем, когда музей Достоевского стал самостоятельным учреждением культуры, в начале 1990-х, стала по

---

¹Художник Захаров близко знал Игоря Киселева. Я иногда встречалась с Захаровым у Киселевых» (Письмо Л. А. Никоновой к другу В. А. Куртовой. 16 октября 1982 года. ПЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ. 12. Лист 10б.).

совместительству проводить тематические уроки-занятия курса «Священное писание», рассчитанные на начальную школу.

В основной период работы в музее Никонова вела дневниковые записи. Для них склеила специальную папку¹. Один из таких набросков – рассказ-зарисовка «Весна на Форштадте» – появился в ее записной тетради «Собственные письма» 10 апреля 1983 года. Описываемые в нем события связаны с образами птиц. В разных вариациях они неоднократно возникают и в ее лирике: «Почти легенда», «К тебе летят сияющие птицы...», «Орел», «Я память свою очень редко волную...», «Вольная птица – да негде присесть...», «1993», «Зря, что ль, свистал соловей?», «После эпилога», «Жаворонок» [Никонова, 1993], [Никонова, 2011], [Никонова, 2000], [Никонова, 2006], [Никонова, 1990], [Никонова, 1997] и др. Сюжет рассказа разворачивается на знаковом для Новокузнецка месте – Форштадте, где бывал Ф. М. Достоевский в середине XIX века, и где сейчас есть улица его имени и музей. Появление кузнецких мест Достоевского в записях Никоновой значительно расширяет понятие «мир Достоевского». Это не только художественный, публицистический, эпистолярный тексты писателя, с которыми, она, безусловно, была знакома, но и его кузнецкие места – улица и находящиеся на ней объекты, музей писателя (дом портного М. Д. Дмитриева), его усадьба и др. Причем восприятие этих объектов происходит в контексте атмосферы романов Достоевского:

«Дому (М. Д. Дмитриева – Е.Т.) 150 лет, если не больше. В нем темно, сыро, холодно. Находится он недалеко от тюрьмы (Достоевский и темные страдания всегда совпадают)» [Письмо Л. А. Никоновой 10.09.1982, л. 1]

Наиболее глубоко тема Достоевского в творческом наследии Любови Никоновой раскрыта в нескольких ее произведениях: стихотворении «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год» (1987), трактате «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака»² (1991), очерке «Кузнецкий венец»³

---

¹ «Склеила я сейчас себе миниатюрную папку для мелких листочков, на которых пишу коротенькие произведенияшки (пытаюсь привести в порядок накопившиеся за 5 лет наброски)» (Письмо Л. А. Никоновой подруге Р. А. Куртовой 5 декабря 1982 года Новокузнецк // ИЛММД Фонд Л. А. Никоновой. Письма Рукопись ВХ 17 Лист 3.)

² См. подробный анализ: Трухан Е. Д. «Всеобъемлющее и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака»: Библиотечная жизнь Кузбасса. 2017. № 4 (68). С. 12-16. Или: Трухан Е. Д. «Есть ли пшеничное зерно, падши в землю...»: Трухан Е. Д. «Зерно»: публицистические и литературно-критические статьи. Москва-Екатеринбург, 2018. С. 8-21.

³ См. подробнее: Пушкарева И. А. Стилистический анализ регионального медиатекста: Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сбор

(1986), а также в цикле стихотворений «Волна блаженства и волна страдания», созданном по мотивам произведений Достоевского. Каждое из творений этого перечня достойно того, чтобы стать объектом отдельного серьезного исследования. В рамках данной статьи наметим лишь некоторые моменты в рамках интересующей нас темы.

Идея написать о драматичной судьбе Федора Достоевского, его встрече и венчании с Марией Исаевой возникла у Любови Алексеевны во время работы научным сотрудником в музее писателя. Бесспорно, она познакомилась со всеми доступными в то время источниками, касающимися «грозного чувства» Достоевского, и сумела на их основе создать разножанровые произведения (стихотворный, публицистический, философско-теологический тексты).

Из всех произведений Любови Никоновой, посвященных Достоевскому, наиболее известно стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке» (1987). Оно имеет еще один вариант названия – «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857». Пожалуй, на сегодняшний момент это самое известное среди всех произведений Л. А. Никоновой о Достоевском. Возможно, свою роль сыграло бытование стихотворения еще при жизни поэта. Дело в том, что Любовь Алексеевна сама активно его популяризировала: охотно и с удовольствием читала на многочисленных встречах с читателями, во время культурно-образовательных мероприятий в различных учреждениях образования и культуры. В контексте творчества Никоновой это стихотворение можно прочесть как синоним трактата «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака». Но последнее не настолько популярного, насколько его стихотворный «аналог».

Стихотворение отчасти создавалось как поэтическое соперничество (или полемика) со знаменитым произведением «Жена Достоевского» (1965), посвященным второй супруге писателя А. Г. Сниткиной. Его автор и творческий оппонент Никоновой – Владимир Николаевич Корнилов (1928–2002), московский поэт, острый публицист, исключенный из Союза писателей за правозащитную деятельность, младший современник и друг А. А. Ахматовой, Б. А. Слуцкого и Л. К. Чуковской. Стихотворение Корнилова было высоко оценено литературной общественностью того времени. Обратила на него пристальное внимание и Любовь Никонова. Подтверждением тому является обнаруженный в писательском архиве текст корниловского стихотворения, переписанный ее рукой [Корнилов В.Н. Жена Достоевского. Рукопись]. Знакомство со

стихотворением другого автора, скорее всего, натолкнуло Л. А. Никонову на мысль о создании собственного «легендарного» произведения на основе регионального материала – венчания Ф. М. Достоевского в Кузнецке. Тем более, что Никонова была категорически не согласна с трактовкой Корнилова. Исаева, по ее мнению, вовсе не принадлежала к «испокон нравным, вздорным, прытким воронам» [Корнилов В.Н. Жена Достоевского. Электронный ресурс], как образно охарактеризовал московский автор всех возлюбленных до второго брака Достоевского. Вероятно, и А. Г. Сниткину она не воспринимала столь однозначно, ангельски иконописно, как он: «Горлица среди ворон», «Кротость взамен своеправия, Ангел – никак не жена», «Смирная в славе и в горести», «Как при иконе – свеча», «отвага и верность», «Больше российской словесности Так никогда не везло» [Корнилов В.Н. Жена Достоевского. Электронный ресурс].

Судьба Исаевой и все, что касалось памяти о ней, глубоко волновала поэтессу. Об этом она говорит даже в личной переписке, предлагая разные версии причин вычеркивания из жизни писателя следов его первой любви. Своей подруге Валентине Куртовой 10 сентября 1982 года Любовь Никонова пишет:

«... письма М. Д. Исаевой к Достоевскому уничтожила вторая жена писателя – А. Г. Сниткина. Зачем ей понадобилось так расправляться с Исаевой? Что это: недоброжелательность к сопернице (пусть мертвой) или ревность, или попытка вычеркнуть из жизни Достоевского что-либо неблагоприятное, компрометирующее?»

Ей-богу, меня почему-то потрясла судьба писем Исаевой.

Вообще, что такое письма?..» [Письмо Л. А. Никоновой 10.09.1982, л. 1-1об.]

Образ писателя в стихотворении Никоновой предстает антиномичным («такой же друг ей, как и враг» [Никонова, 2011, с. 102]), а образ его первой жены Марии Исаевой – страдающим, переходным, «пограничным» между реальностью и литературой. Исаева у Никоновой – личность сильная, одновременно страдающая, и понимающая, и принимающая свою высокую миссию. Та, которой суждено было перевоплотиться в Музу писателя – «гения завтрашних времен» [Никонова, 2011, с. 102], стать прототипом его знаменитых романских героинь, чем значительно повлияет на творчество. Главными мотивами никоновского стихотворения становятся ключевые «достоевские» мотивы: жертвы и глобальной личностной метаморфозы обоих обвенчанных под влиянием собственного выбора, литературного гения и жизненных обстоятельств «необратимого сияния кузнецкого венца» [Никонова, 2011, с. 102].

Впоследствии стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке» Любовь Никонова включила в поэтический цикл по мотивам творений великого романиста – «Волна блаженства и волна страдания». В него вошли 17 произведений, появившихся в 1987, 1997, 1999, 2000, 2001 годах. Несмотря на то, что стихотворные строки о кузнецком венчании Достоевского и Исаевой были самыми ранними, именно они, как наиболее значимые для Л. А. Никоновой, стали финальным аккордом этого цикла.

Цикл «Волна блаженства и волна страдания» был опубликован сначала в литературно-краеведческом альманахе «Кузнецкая крепость» в 2002–2003 годах, а затем – в итоговом сборнике поэтессы «Знакомый мир неузнаваемый» (2011). Задает драматический тон этой тематической подборке эпиграф – слова Дмитрия из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (глава «Исповедь горячего сердца. В стихах»):

«...Бог создал одни загадки. Тут берега сходятся, тут противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Достоевский, 1976, с. 100].

Главными мотивами поэтического цикла, навеянными Достоевским, становятся мотивы загадки жизни, единственного человеческого сердца (внутреннего подполья каждого), вечной борьбы светлого и темного начал в человеке, греховности души, необоримых жизненных противоречий, нарушения людьми допустимых норм нравственности и морали, законов Любви, предельных-пограничных состояний человеческого эмоций и чувств. При этом Никонова, по-достоевски антиномично представляя момент прозрения души на «пределе своих сверхжеланий» [Никонова, 2011, с. 96], между волнами страдания и блаженства, в грозных переливах мирской и божественной Любви (прямые ассоциации с «грозным чувством» Достоевского), говорит о том, что все-таки мятушаяся в страстях душа человеческая остается «неблагодарной», несмотря на то, что Бог всегда к ней «великодушен» [Никонова, 2011, с. 86]...

Размышляя над различными темами жизни земной и небесной, Никонова всегда находилась в контексте художественного слова Ф. М. Достоевского, внутри его литературного мира. «Жизнь есть рай. Ключи у нас», – подчас повторяла Любовь Алексеевна слова старца Юсымы, оставшиеся в черновиках Ф. М. Достоевского к «Братьям Карамазовым». И это неслучайно: все поэтическое и прозаическое творчество Л. А. Никоновой было устремлением к этому раю. Нередко в ее рабочих записных тетрадях, конспектах уроков, разработках занятий по тематическим программам, публицистических размышлениях и личных письмах мы находим цитаты (выписки) из романов Достоевского, его

крылатые выражения. Они нужны были для подтверждения собственных мыслей, как импульсы к созданию собственных художественных образов и разворачивания «достоевских» тем, мотивов, как иллюстративные примеры для школьных занятий, к которым *«преподаватель прибегал не раз»*, ведь *«их многофункциональность свидетельствует о смысловой насыщенности текстов писателя»* [Владимиров, 2020, с. 320].

Например, во вступительном слове «От автора» к сборнику «Чтоб воскреснуть на этом лугу» (1997), проникнутом глубинными пасхальными нотами, Любовь Никонова вновь обращается к образам романа «Братья Карамазовы»:

«Что сквозит»? Свет Красоты, Правды, Божественного присутствия... <...> Это подтверждал «мученик Бога» Достоевский устами своего Алеши и житием Зосимы...» [Никонова, 1997, с. 5-6].

Образ Достоевского-пророка глубоко прорастает и в публицистическом эссе Никоновой «Струна звенит в тумане» (главка «Голос твой...»). Появляясь как эхо художественного текста Н. В. Гоголя (*«Это Гоголь устами своего бедного Поприщина сказал так: «Струна звенит в тумане». Достоевский любил повторять эту фразу: он видел в ней ключ к тайнам русского сердца»* [28]), он постепенно становится и поводом, и ключом для серьезного разговора о состоянии духовности современного русского общества, об извечном противостоянии Христа и «смога», «сажи», «непроницаемого зла, перед которым умрет от страха совесть, смолкнут Достоевские и распнется в бессилии христианство» [Никонова Л. А. Струна звенит...]. Образы и пророческое Слово Достоевского, произнесенное в «Братьях Карамазовых» и «Бесах», помогают Никоновой ярко и лаконично обрисовать животрепещущую, волнующую ее, главную проблему современности – тотальную зависть, «духовную смердяковщину» [Никонова Л. А. Струна звенит...], проникающую во все сферы быта и бытия:

«Из адских заклетов выходят жесточайшие существа, обваренные, как кипятком, смертельной завистью. Это зависть к Богу, к Слову, к Логосу. Все, что стоит высоко над их смрадными безднами (храм, высокая душа, Евангелие, подвиг, крест, талант, любовь), должно быть утоплено в зловонных котлах духовной смердяковщины».

«Любого гения мы загноим в младенчестве», – обещали они еще в «Бесах». Против Слова восстает невероятный антипод, цель которого – вызвать распад Христа» [Никонова Л. А. Струна звенит...].

«Встречи» с Достоевским продолжают и в рабочих тетрадях Никоновой. В конспекте уроков для слушателей Новокузнецкого института повышения квалификации она приводит примеры из «Преступления и наказания». А в общей тетради «Стихи, заметки. 2003-

2009 годы от Р.Х.» в записях за 2007 год обнаруживаются несколько мыслей Достоевского о Любви, смирении и рае на земле, а также важные строки о писателе, принадлежащие другим авторам: «...был под властью сияющей личности Христа...»; «...жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай»; «Горе оскорбившему младенца!»; «Перед иною мысль станешь в недоумении, особенно видя грех людей, и спросишь себя: Взять ли силой, али смиренною любовью?» Всегда решай: «Возьму смиренною любовью». Решись так раз навсегда и весь мир покоришь возмужеешь. (мирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая) [Тетрадь Л. А. Никоновой].

Во время литературного редактирования альманаха «Здравствуй, мир!», Л. А. Никонова постоянно отдавала дань уважения любимому писателю, оформляя тематические подборки, публикуя прозаические и поэтические произведения, посвященные ему. Так, в номере 1 альманаха за 1996 год, в рубрике «К 175-летию со дня рождения Достоевского» Любовью Алексеевной отобраны к публикации текстовые материалы и репродукции о кузнецких событиях в жизни романиста. Здесь и стихи Никоновой «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857», и размышления учащихся о «драматических моментах биографии Ф. М. Достоевского» [6, с. 5] и отзывы с заметками, и странички из сочинений и дневников по теме «Достоевский и Кузнецк». На страницах школьного альманаха благодаря Л. А. Никоновой публикуются репродукции картин Г. П. Захарова «Кузнецкий венец» и «Вечный вопрос», лаковой миниатюры А. Ф. Фомченко «Парный портрет Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой». Есть и фотоизображения: домика Достоевского в 1980-е годы, М. Д. Исаевой за два года до ее смерти, церкви Одигитриевской Божьей Матери, где венчался с ней Достоевский. В номере 3 альманаха за 1997 год были опубликованы некоторые материалы, связанные с проведением школьного литературного месячника к 175-летию Достоевского, в их числе - стихотворение Л. А. Никоновой «Неужель наше сердце остыло?», а также сочинения ее учеников из литературной студии «Фесковские литераторы». В номере 6 альманаха за 1998 год вновь появляется стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год».

Знакомство с творчеством Достоевского было включено Никоновой-педагогом и в план работы городского литературного объединения «Гренада» в 2006 году: под № 12 числится круглый стол «Поэт... разгадывает... Бога» (к 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского) [План работы..., 2006, л. 3].

С особым трепетом Любовь Никонова относилась к юбилеям великого классика, которые каждые пять лет традиционно празднует новокузнецкий литературно-мемориальный музей его имени. В эти памятные дни она дарила музею свои книги, рукописи, личные вещи. 2011 год, объявленный новокузнецким музеем писателя Годом Достоевского, стал одним из самых насыщенных для Любови Алексеевны, но, к несчастью, и самым последним, посвященным любимому автору. Она проявила себя как постоянный и почетный участник всех музейных тематических мероприятий, среди которых: открытие выставок «Евангелие – настольная книга Достоевского» (о ней подготовила отзыв [Никонова, 2012]), «Кузнецкий венец», «Записки из Мертвого дома»; фестиваль молодых поэтов «Звучащее слово», многочисленных экскурсий, встреч с писателями и др. В план работы – 2011 детско-юношеской студии «Фесковские литераторы» ею были включены мероприятия к 190-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского: экскурсия в музей писателя, лицейская конференция «Наши любимые книги русских классиков», фестиваль молодых поэтов Кузбасса «Звучащее слово» [План работы, 2011]. Эти факты говорят о неизменном интересе Никоновой к наследию Достоевского и желании популяризировать его творчество.

В архиве писательницы был найден титульный лист планируемой ею к 190-летию юбилею большой публицистической статьи «Поручаю себя Вашей доброй памяти. Год Достоевского в России» [Титульный лист...]. В нее должны были войти авторские размышления о многочисленных современных публикациях, посвященных Достоевскому, книжных и кинематографических новинках. В том числе один из разделов Любовь Алексеевна хотела посвятить новой книге «Достоевский» Л. И. Сараскиной (2011) из серии «Жизнь замечательных людей», другой – вышедшему на телеэкраны сериалу «Достоевский», который с интересом смотрела, о котором читала с ручкой в руках в «Литературной газете» статьи известных достоевсковедов – Людмилы Сараскиной «Достоевский popagoshku» и Игоря Волгина «Гений тайна не личная».

Еще одним незавершенным проектом Любови Никоновой стал лекционный курс с элементами видеопозаказ «Произведения Ф. М. Достоевского в кино». Она специально подготавливала его по заказу музея Ф. М. Достоевского, но волею судеб свою первую и последнюю лекцию из курса ей удалось прочитать только воспитанникам Кузбасской православной духовной семинарии. Тема встречи была посвящена роману «Идиот» и сопровождалась просмотром фильма из собственной видеокolleкции Никоновой – одноименной экранизации

романа 1958 года, осуществленной Иваном Пырьевым.¹ Следует сказать, что Л. А. Никонова долгое время собирала коллекцию экранизаций произведений Достоевского, неоднократно просматривала их, использовала в работе. После смерти писательницы часть видеокассет была передана в музей Достоевского ее сестрой В. А. Смотрителевой: «Братья Карамазовы» (1968), «Чужая жена и муж под кроватью» (1984), «Идиот» (2002), «Двадцать шесть дней из жизни Ф. М. Достоевского» (1980) [Фонд...].

Подводя итоги исследования, хочется отметить, что поэт, прозаик, публицист, педагог Л. А. Никонова на протяжении долгого времени находилась в контексте слова Достоевского. Влияние русского классика на ее творческое сознание многообразно, и этот факт требует дальнейшего более тщательного и глубокого осмысления.

2.1.2. Ф. М. Достоевский в поэтическом цикле Любови Никоновой «Волна блаженства и волна страдания»

В литературном наследии кузбасского писателя Любови Алексеевны Никоновой (1951-2012) обращает на себя внимание поэтический цикл² «Волна блаженства и волна страдания» [Никонова, 2002-2003, 2011].

Он был создан, как указывает автор, «по мотивам Ф. М. Достоевского» [Никонова, 2002-2003, с. 85] и включает 17 произведений. Цикл складывался неравномерно, в течение 14 лет: его самостоятельные части (отдельные стихотворения) были написаны в 1987, 1997, 1999, 2000, 2001 годах, выходили в разных авторских сборниках и окончательно слились в целостное единство к 180-летию юбилею писателя. Подчеркнём, что больше половины произведений появились именно в 2001-м, юбилейном для Ф. М. Достоевского, году. Таким образом, поэтический цикл стал «результатом сознательной работы автора по объединению и структурированию собственных стихов <...>, написанных в разные годы и первоначально не мыслившихся в составе одного целого» [Поэзия, 2016, с. 312].

¹ По воспоминаниям Ольги Никифоровны Голиковой, в то время – библиотекаря Кузбасской православной духовной семинарии, знакомой Л. А. Никоновой.

² При анализе поэтического цикла мы будем руководствоваться литературоведческим определением понятия «цикл», сформулированным М. П. Дарвиним: «группа произведений со связностью и объединённая самим автором и представляющая собой художественное целое» [10, с. 329]. А также будем опираться на сходное определение Л. Ф. Ляпиной: «Цикл – это эстетического целого, представляющий собой ряд самостоятельных произведений, принадлежащих одному виду искусства, созданных одним автором и скрепленных им в определенную последовательность» [17, с. 165].

Для публикации «Волна блаженства и волна страдания» окончательно созрела к 2002-2003 годам: впервые поэтическая серия была представлена в новокузнецком литературно-краеведческом альманахе «Кузнецкая крепость» [Никонова, 2002-2003]. Спустя десять лет, в 2011 году, Л. А. Никонова включила её в итоговый сборник «Знакомый мир неузнаваемый» [Никонова, 2011]. Этот факт ещё раз закрепил устойчивость цикла, посвященного Достоевскому, как целостного единого высказывания, рожденного по воле автора.

Цель данной работы – на примере авторского поэтического цикла рассмотреть влияние творческого наследия Ф. М. Достоевского на художественное сознание регионального автора-современника Л. А. Никоновой, эксплицировать и обрисовать способы «присутствия» русского классика в поэтическом тексте, определив принципы и виды литературной рецепции.

На этом исследовательском пути особенно важными оказались научные труды литературоведов, которые занимаются изучением цикла как феномена, его жанровой природой, теорией цикла, проблемами авторской и читательской циклизации художественных произведений: М. Н. Дарвина, З. А. Ветошкиной, И. В. Фоменко, Г. О. Винокура, Л. Е. Ляпиной, Е. В. Пепеляевой, О. О. Белоусовой и О. А. Дашевской. В части изучения мотивов полезными стали работы Е. В. Волковой, Л. Н. Целковой, В. А. Сапогова, Е. Г. Колядич, Т. В. Хорошавиной. Кроме того, при подготовке статьи автор опирался на подробные аналитические описания конкретных поэтических циклов, выполненные Д. Ю. Топаловой, М. Н. Дарвиным и В. И. Тюпой, С. П. Гудковой и В. А. Самойленко, Н. А. Царевой и П. А. Хашиевой.

Уже сама идея Л. А. Никоновой создать сложную циклическую форму как открытое множество произведений, объединенных авторским замыслом, отвечает и творческому методу Ф. М. Достоевского, всегда тяготевшему к циклизации собственных творений, а также главному качеству его художественного мира, определенному М. М. Бахтиным – полифонизму. К тому же, идея циклизации соответствует мировосприятию русского классика, воспринимавшему реальность неисчерпаемым и многовариантным источником для литературного творчества, который всегда богаче любой фантазии.

Образ Ф. М. Достоевского, подобно фотоплёнке, продолжает проявляться и в названии поэтического цикла «Волна блаженства и волна страдания»: автор адресует нас ко времени кузнецких событий в биографии писателя, точнее – к его первой поездке в Кузнецк и эпистолярному наследию той поры. Название цикла является парафразом строк Достоевского, прозвучавших в послании к сибирскому другу,

адвокату и поверенному «грозного чувства» А. Е. Врангелю 14 июля 1856 года:

«Я провел не знаю какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые!» (28/1, с. 235).

Знаменательно, что Никонова, православная воцерковлённая христианка, именуя свое художественное произведение, заменяет семантически узкое слово «мученье» на более объёмное и широкое «страданье», чем смешает смысловые акценты в сторону учения о спасении, о пути верующих. Если с «мученьем» в православии ассоциируется тягостное состояние грешников, пребывающих в аду, противоположное блаженству и радости, то «страданье» означает претерпевание всеми живыми существами физической или нравственной боли. В христианской православной традиции страдание является божественной карой за грехи и одновременно – средством избавления от них, залогом грядущего нравственного совершенствования и спасения. Страданием Господь учит человека, очищает его душу и тело, делает праведным.

Эпистолярный контекст, где бытует цитата, ставшая импульс к наименованию цикла, позволяет понять, что для поэтессы важно сохранить идею Достоевского об антиномичности мыслей и чувств, человеческих поступков, душевных состояний, сердечных движений.

Сосуществование жизненных противоречий, бесконечная смена и противоборство полюсов воплощается у Любови Никоновой в образе волны, точнее – двух равноправных по силе и качеству волн: страдания и блаженства. К слову, волна в художественном мире новокузнецкой поэтессы является одним из доминантных, часто повторяющихся образов. Его мы встречаем в стихотворениях: «Бегущая по волнам» (1974), «Обрыв» (1991), «Цветные волны вдохновения» (2009), «Люпин» (2009) и др.

Образ волны, запечатленный в названии, впоследствии распространяется по всему сложному художественному полотну: *«Волна блаженства и волна мученья»* [Никонова, 2011, с. 87], *«Откатится шумящая волна»* [Никонова, 2011, с. 87], *«энергия моления»* [Никонова, 2011, с. 99], *«волною заживления»* [Никонова, 2011, с. 99], *«Новый ветер шумит в топоях и волнует высокие травы»* [Никонова, 2011, с. 98] и др. Волновые процессы у Никоновой очень многообразны. Это – и часть текучей природной стихии, и характеристика движущейся в пространстве материальной среды, и сложные контакты между индивидами, и дыхание, и голос любимого человека, и возмущения социума, и творческое горение,

и энергия духа, и моление, и неровный жизненный путь каждого, и, наконец, само движение стихотворного текста...

Еще более укрепляет связь стихотворного единства с художественным миром Достоевского наличие эпитафии из романа «Братья Карамазовы» (глава «Исповедь горячего сердца. В стихах»). Им стали слова, произнесенные литературным персонажем Дмитрием Фёдоровичем Карамазовым:

«...Бог создал одни загадки. Тут берега сходятся, тут противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (14, с. 100).

Эпитафия усиливает драматический тон поэтической целостности, продолжая тему вечного поединка стихий, тьмы и света, дьявольского и божественного начал. Образы берегов, созданные воображением Достоевского и возникающие в эпитафии, крепко цементируются с образами иконописных волн, стремящихся на них нахлынуть.

Базовой категорией литературной рецепции в поэтическом цикле «Волна блаженства...» становятся мотивы. Об этом Л. А. Никонова напрямую заявляет в подзаголовке: *«по мотивам Ф. М. Достоевского»* [Никонова, 2011, с. 85]. Это мотивы загадки жизни, таинственного человеческого сердца (внутреннего подполья каждого), вечной борьбы светлого и тёмного начал в мире и человеке, предельных-пограничных состояний человеческих эмоций и чувств, греховности неблагодарной Богу души, судьбы и необоримых жизненных противоречий, нарушения людьми допустимых норм нравственности и морали, законов Любви, а также самопознания личности в ситуации разрешения вечных вопросов бытия...

Благодаря разработке мотивов, характерных для художественного мира Достоевского, стихи Никоновой в читательском восприятии ассоциируются с его произведениями: «Братья Карамазовы» («Кто-то о ком-то задумался вечером...»), «Сон смешного человека» («Мы ничего здесь не изменим...»), «Идиот» («Смолчать – нельзя. Скандальить – стыдно...»), «Тепло. Ты, видимо, на даче...»), «Маленький герой» («Я лежала на тёплой земле...»), «Идиот» и «Елка и свадьба» («Достоевский и Исаева в Кузнецке», «Неужель наше сердце остыло?...»), «Униженные и оскорблённые» («Хотя бы просто пощади...»), «Вечер. Тучи придвинулись к тучам...»), «Записки из подполья» («Я хожу по осколкам и камешкам...»), «Преступление и наказание» («Вот мир. Вот жизнь обычного созданья», «Не дорогою длинной мой дух утомлён...»), «Бедные люди» («Бедные люди...Предел оскудения...»), «Кроткая» («Нельзя или можно? Вдали или рядом?»), «Тебя я ненавидела...»), «Игрок» («Новый ветер шумит в тополях...»).

Но поэтесса не только доверяет читательскому опыту, даёт волю читательской фантазии. Она оставляет перед двумя стихотворениями цикла («Бедные люди. Предел оскудения...» и «Неужель наше сердце остыло?...») в виде эпиграфов из Достоевского четкие указания на конкретные произведения писателя, с которыми у неё организуется интенсивный диалог: автобиографический роман «Идиот» и эталонный для кузнецкого периода эпистолярный роман «Бедные люди».

Отметим, что в указанных стихотворениях общеизвестные темы Достоевского – бедных людей и красоты, спасающей мир – Л. А. Никонова разрабатывает по-своему. Так, современные бедные люди, к которым лирическая героиня (как одна из них) испытывает сострадание и жалость, вынуждены существовать в экстремальной постапокалиптической ситуации «предела оскудения»: «пепел и пыль до небес», «всюду зола и смольё», «царств непомерных крутое падение, целых народов регресс» [Никонова, 2011, с. 89]. Единственное, что их «держит на печальной, обугленной, милой до боли земле» [Никонова, 2011, с. 89] – две волны-ниточки: дыхание любимого человека и его прерывающийся во мгле голос. Эти звуковые волны тонкие, невесомые и быстро утрачиваемые, легко разбиваемые временем и обстоятельствами, но необыкновенно ценные и понятные в современных условиях. Остроту и глубину переживания бедных людей конца XX – начала XXI веков Любовь Никонова мастерски передаёт через тончайшее предощущение утраты земной любви в любое мгновение, через христианский обет держаться за жизнь во имя Любви, несмотря на страдания и крайне неблагоприятные условия жизни.

Что касается спасения мира красотой, то Л. А. Никонова представляет этот сакральный акт в виде земной дрожи, явления в «сфере неясной и пылкой» [Никонова, 2011, с. 100] священного преображающего образа материнской Любви – лика Пресвятой Богородицы:

*...И на миг с лучезарной улыбкой
Проглянула, светясь, красота.*

*Просияло огнём лебединым
И в начале пути, и в конце
Материнство и Девство в едином
Незабвенном, пречистом Лице.*

*Остальное отпало отлого.
По крупицам рассеялось Зло.*

И привычное облако смога

Загрязнить ничего не смогло [Никонова, 2011, с. 100].

Именно словесные изображения православных икон Девы Марии и Иисуса Христа являются еще одной точкой экспликации рецептивных связей Достоевского и Никоновой в поэтическом цикле «Волна блаженства и волна страдания». Стоит отметить, что в художественном пространстве Достоевского, особенно – в романах «Великого Пятикнижия», постоянно возникают словесные изображения иконографических православных образов. Они представляют глубинный план литературного персонажа, его жизненную задачу и её осуществление. Это убедительно показано в научных трудах [Касаткина, 2004, 2021] ведущего русского достоевсковеда, философа, культуролога, религиоведа, доктора филологических наук, научного сотрудника ИМЛИ имени А. М. Горького РАН Т. А. Касаткиной, с работами которой, безусловно, была знакома Любовь Никонова.

Но изображения словесных икон не исчерпывают данного аспекта культурной рецепции. В одном из стихотворений цикла «Как хорошую вешнюю восточку...» Любовь Никонова прибегает еще к одному характерному изобразительному приему Ф. М. Достоевского – экфрасису – описанию произведения искусства или архитектуры в литературном тексте. Таковым, например, являются в романе «Идиот» словесные изображения картин Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос в гробу» и «Дармштатская мадонна».

В поэтическом цикле объектом описания становится не полностью монументальное полотно, а его ярко выделяющийся фрагмент. Если можно так выразиться, мы имеем дело с фрагментарным экфрасисом. Примечательно, что экфрасис появляется благодаря включению отдельного стихотворения в «достоевский» цикл.

В фокусе зрительского внимания поэтессы оказывается один из притягательных центральных образов картины И. С. Глазунова «Вечная Россия» (1988) – Фёдор Михайлович Достоевский со светящейся вербой веточкой и горящей свечой. Весь его облик и расположение на переднем плане говорит о том, что он является носителем русских культурных ценностей и православной веры, защитником русской национальной идеи, истинным знатоком отечественной истории и культуры. Любимый писатель И. С. Глазунова и Л. А. Никоновой изображен участником нескончаемого народного крестного хода, посвященного 1000-летию Крещения Руси:

*Как хорошую вешнюю веточку
С золотистым свеченьем в узоре,
Я пошлю тебе вербную веточку,
Освященную в нашем соборе.*

*Там за службою сердце оттаяло,
Обливаясь теплом и слезами,
И великой трагической тайною
Переполнилось пред образами.*

*И с тобой моя веточка вербная
Пусть поделится тайной духовной,
Как любовь разгорается верная
И сливается с верой любовной... [Никонова, 2011, с. 91].*

В стихотворении Никоновой Достоевский изображается теплым, домашним хранителем традиционных русских духовных ценностей. Одновременно он даритель вербной ветви, символизирующей победу жизни над смертью, олицетворяющей весну и радость жизни, и пророк, провозвестник грядущего спасения России. По Никоновой, писатель через православную веру прозрел «великую трагическую тайну» [Никонова, 2011, с. 91] русского народа и пронёс её, как благую весть, через всё литературное творчество.

Заметим, что стихотворение обладает необыкновенной энергией приобщения: оно построено таким образом, что в роли лирического героя могла бы оказаться и сама Любовь Никонова, и любой православный христианин, проживающий события Вербного воскресенья в храме. Сквозь облик лирического героя, намеренно лишённого Л. А. Никоновой пола, возраста, социального статуса, профессии и др. проступает священный лик Бога, по образу и подобию которого был создан ирвочеловек Адам:

«В полупустом храме выразителен отдельный человек. Я заметила: среди богомольцев иногда являются совсем особенные люди. На них будто почит лучезарная тишина. Их обыкновенные лица так любовны, так невыразимо светлы, как будто обречено уже ими Царствие Небесное» [Никонова, 2006, с. 240].

Сияние глубинного православного плана на уровне персонажа – характерная черта поэтики Ф. М. Достоевского, очень близкая Л. А. Никоновой по мироощущению.

Большинство стихотворений цикла «Волна блаженства и волна страдания» являются лирическими бессюжетными миниатюрами. Читатель получает уникальную возможность войти в творческую лабораторию Л. А. Никоновой – приобщиться к миру сокровенных чувств её лирической героини, к глубоким размышлениям о современном мире, собственной душе и душе ближнего своего. Мотивы обыгрывают ряд повторяющихся образов, важных для всего творчества поэтессы: вольной птицы, зерна (колоса), ветра, слезы, лестницы, ангела, душевной трещины и её заживления, Пресвятой Богородицы, техногенного и душевного смога, тайного символа-знака из Вселенной, внутреннего огня (света), мелкой частицы (капельки, дождинки, пунктира), кровной связи. Все эти образы имеют отчетливое православное «свечение» и поэтически, эстетически пересекаются с художественным пространством Достоевского.

Для разговора о вечных вопросах, всегда волновавших классика мировой литературы и его героев, Л. А. Никонова использует особый приём – панорамный взгляд на мир и человека. Читатель поэтического цикла как будто попадает на особую возвышенность, смотровую площадку, с которой ему организуется полный и качественный обзор не только природной стихии или социальной среды, но и внутреннего мира лирической героини:

*Я лежала на теплой земле.
Нежным маревом флоксы дымилась.
А в душе, будто в солнечной мгле,
Золотые частицы струились.*

*То ли это сознанья поток?
То ли чувственность в истинном свете?
То ль духовный прорыв на восток?
То ль под сердцем живущие дети?.. [Никонова, 2011, с. 96].*

В связи с тем, что со времён И. К. Ф. Шиллера и И. В. Гёте мотив рассматривался в качестве составной части сюжета, в рамках данного исследования продуктивно выделить именно сюжетные мотивы Любови Никоновой, в то же время характерные и для романов Достоевского. К ним относятся: венчание и свадьба, жертвоприношение, покаяние, трансформация жизненной реальности в литературную, «острая и трудная любовь» [Никонова, 2011, с. 97], невозможность изменения героем социального статуса и бытовой обстановки, молитва, гроза, необоримость судьбы и фатальная обреченность, ношение на груди натальной иконки

(медальона, креста), указание Богом (Богоматерью) верного пути, слёзы на лицах литературных персонажей. Таким образом, процесс рецепции художественного мира Достоевского, связанный с возникновением определённых мотивов, затрагивает и сюжетный уровень поэтического цикла Л. А. Никоновой.

Апелляция автора «Волны блаженства и волны страдания» к изобразительным художественным творениям не исключает обращения к другим источникам. Знаменательно, что это вновь литература, но уже не проза, а поэзия. В первом же произведении «Смолчать – нельзя...» появляется цитата – «тайна верности твоей» – из стихотворения «Я помню нежность ваших плеч...» (1914). Оно принадлежит А. А. Блоку, любимому поэту Любови Никоновой, одному из корифеев русской лирики начала XX века, осознавшему явление циклизации в поэзии как новое качество словесного художественного творчества. В контексте исследования этот факт очень важен, так как приближает нас к пониманию природы никоновского стихотворного цикла, посвященного Достоевскому.

М. Н. Дарвин отмечал, что блоковские стихотворные циклы тяготеют к целостному художественному единству, к крупной лиро-эпической форме:

«...целостность лирического цикла понималась поэтами рубежа веков как целостность, равная «большому произведению», состоящему из отдельных частей или глав, в цикле – стихотворений. Неудивительно поэтому, что в творческой практике поэтов той поры встречались попытки прямого отождествления цикла с жанрами большой эпической или лиро-эпической формы. Существует предположение, что цикл «Снежная маска» А. Блок первоначально намеревался назвать поэмой, а поэму «Двенадцать» – циклом» [Дарвин, 1999, с. 330].

Думается, подобное представление о стихотворном цикле сформировалось и в творческом сознании Любови Никоновой. «Отождествление цикла с жанрами большой эпической или лиро-эпической формы» [Дарвин, 1999, с. 330] – по сути хождение творческими дорогами русских классиков, в том числе Ф. М. Достоевского, создававших глобальные художественные полотна. Достаточно вспомнить романы Великого Пятикнижия и нереализованные планы Достоевского по созданию «Жития великого грешника» или большого комического романа со множеством эпизодов из жизни одного героя.

Л. А. Никонова в литературном творчестве тоже тяготела к созданию и поэзии и прозе крупных циклических формы. Примером тому

выступают: «Обрыв» (1991), поэма «С точки зрения крайнего» (2006-2007), «Вечер накануне зимы» (РЭП-1, РЭП-2, РЭП-3) (2006), поэма детских фантазий «Калейдоскоп явлений дивных» (1997-1999), поэма о любви «Образ» (1967), «Перед чудом жизни: проза и поэзия живого мира» (1990) и др. И, что удивительно, в этих крупных циклических формах актуализируются и образ волны, и «достоевские» мотивы:

*Как я жила мечтой своей!
Как я рвалась к ней, не плошая!
И вот на берег жизни всей
Во тна взбирается большая.*

*Я вижу гребень той волны,
Весь в мыле, бешенстве и пене –
Предвестие чумы, войны*

Иль переход к гигантской лени? [Никонова, 2011, с. 44]

Формирование рецептивных связей между художественными мирами двух писателей продолжается на уровнях тем и литературных ситуаций. В цикле «Волна блаженства и волна страдания» отчетливо видна одна из главных тем – тема любви –, которую Никонова разрабатывает в соответствии с православной духовной традицией. Вслед за Достоевским она изучает мир и «жизнь обычного создания» в характерной для русского классика литературной ситуации: «вечно на пределе, на краю» [Никонова, 2011, с. 87]. Кузбасская писательница констатирует, что душа её современника «болезна» и «неблагодарна», пребывает в «социальной мгле», потому что ею «закон любви нарушен» [Никонова, 2011, с. 86]. В молчащем пространстве «таится ответа немое звучанье» [Никонова, 2011, с. 90], но «бедные люди» не могут ничего услышать и продолжают страдать, пребывать в неведении, терзаться вечными вопросами. При этом Бог великодушен к человеческой душе, и «ослепительно видна» «Божья мысль о грешном человеке» [Никонова, 2011, с. 87]. Поддержкой каждому в земных страданиях выступают только Любовь и Вера, а также почти неуловимые намёки на постоянную духовную поддержку высших сил:

*... Даже если не ведаем верных путей
И не знаем, что горше, что слаще, -
Все равно Богоматерь, как малых детей,
Нас выводит из сумрачной чащи.*

Наша вечная боль для Ней не нова.

*И мерцают над нами во мраке
То ли слёзы её, то ль святые слова,
То ль прощенья сакральные знаки... [Никонова, 2011, с. 88]*

Процесс рецепции художественного мира Достоевского происходит и на уровне лирического осмысления Любовью Никоновой знаменитых афоризмов писателя: «Красота спасёт мир» (роман «Идиот»), «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» (роман «Преступление и наказание»), «Христос был вековечный от века идеал» (дневниковая запись Ф. М. Достоевского от 16 апреля 1864 года). Один из афоризмов – «Красота спасёт мир» – входит в поэтический цикл эпиграфом к стихотворению «Неужель наше сердце остыло?..», остальные же жаростворены в потоке поэтических размышлений автора («Мы ничего здесь не изменим...»), «Тебя я ненавидела...», «Я хожу по осколкам и камешкам...», «Хотя бы просто пощади...», «Бедные люди... Предел оскудения...», «Не дорогою длинной мой дух утомлён...»).

Завершающим аккордом «Волны блаженства и волны страдания» звучит стихотворение 1987 года «Достоевский и Исаева в Кузнецке» (вариант названия – «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857»). В контексте творчества Никоновой оно читается как синоним трактата «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака»¹ [Никонова, 1996].

Несмотря на то, что данное произведение родилось раньше всех частей поэтического цикла, оно размещено в финале. Такая позиция существенна: она говорит о семантической и композиционной значимости данного элемента для Любови Никоновой и вновь возвращает нас к кузнецким дням писателя, к разговору о роли его супруги Марии Дмитриевны Исаевой в жизни и литературе.

Образ Достоевского в стихотворении о кузнецком венчании ярко воплощает идею антинормичности («такой же друг ей, как и враг» [Никонова, 2011, с. 102]), пронизывающую весь поэтический цикл. Образ первой жены писателя показан страдающим, переходным, «пограничным» между реальностью и литературой. Исаева у Никоновой – личность сильная, одновременно понимающая и принимающая свою высокую миссию. Та, которой суждено было значительно перевоплотиться в Музу

¹ См. об этом подробнее: Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. – 2017. – № 4 (68). – С. 12-16.

«гения завтрашних времён» [Никонова, 2011, с. 102] и стать прототипом знаменитых романых героинь.

Главными мотивами никоновского заключительного стихотворения становятся ключевые «достоевские» мотивы: собственного выбора человека, жертвы и глобальной личностной метаморфозы обоих обвенчанных, литературного гения и жизненных обстоятельств, судьбы – «необратимого сияния кузнецкого венца» [Никонова, 2011, с. 102].

В заключение отметим, что стихотворный никоновский цикл по мотивам Достоевского «Волна блаженства и волна страдания» звучит и как авторский исповедальный рассказ о состоянии неблагодарной деформированной души современника, и как откровенная беседа с ним об истинной божественной Любви, вере и разрешении вечных вопросов, которые не давали покоя Достоевскому и его персонажам.

Рецептивные связи между художественными мирами Ф. М. Достоевского и кузбасского автора Л. А. Никоновой сложны и многогранны. Они обнаруживаются на уровнях авторской идеи, названия, эпиграфа, мотивов, афоризмов, тем, литературных ситуаций, экфрасиса, словесного изображения икон. И эта многогранность, скорее всего, проистекает из общего восприятия Любовью Никоновой образа писателя, творчество которого она старалась всесторонне постичь:

«Достоевский... был личностью громадной, вмещающей не только стихии Земли, но и Тишину Неба. Сын, житель и знаток мира океанного, он прозревал и святой мир. А это возможно только через Христа» [Никонова, 2006, с. 265].

2.1.3. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка

Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке.

Исследование с точки зрения православного таинства брака»

Очерк «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» был написан Любовью Алексеевной Никоновой в 1991 году.

Его публикация состоялась в нескольких периодических и научных изданиях: газете «Кузнецкий рабочий»¹, журнале «Литературный Кузбасс»², роман-газете «Кузнецкая крепость»³. В 1995 году бытование произведения значительно расширилось: японский достоевсковед Коити

¹ Никонова Л. Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. Ново-кузнецк, 1991. – 31 окт. – С. 4.

² Никонова Л. Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке // Литературный Кузбасс. – Кемерово, 1993. – № 1. – С. 101-106.

³ Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Роман-газета «Кузнецкая крепость». – М., 1994. – № 11. – С. 39-42.

Итокава¹, профессор университета г. Ниигата, познакомил с его содержанием жителей Страны Восходящего Солнца. В 1996 году текст Никоновой о венчании Достоевского, претерпевший редакторские купюры в процессе преобразования в научный формат, вновь увидел свет в сборнике материалов Межрегиональной конференции «Достоевский и современность»², посвященной 175-летию писателя. А в 2006 году был включен автором во вторую часть книги «Мир благословенный» – «В сиянии любви и милости»³.

Несмотря на столь обширный издательский ареал, очерк остается в числе не известных широкому кругу читателей. Думается, загадка такого положения дел кроется не столько в сложности темы, сколько в жанровом своеобразии произведения.

Исследование, раскрывающее смысл православного таинства брака, появилось у Никоновой после пятилетнего периода работы научным сотрудником в музее Достоевского (1982-1987). За это время она основательно изучила архивные документы и биографические материалы в «кузнецком периоде», обрела музейно-исследовательский опыт. Важнейшими итогами постижения ею литературно-красноречивой темы стали статья 1986 года «Кузнецкий венец»⁴ и знаменитое стихотворение 1987 года «Достоевский и Исаева. 1857»⁵.

Огромное влияние на создание очерка оказали события духовной жизни Новокузнецка того времени. В 1989 году был восстановлен приход старейшего православного храма, ровесника города – Спасо-Преображенского собора, а в 1991 году состоялось первое богослужение. Любовь Никонова, его прихожанка, с удовольствием присутствовала на возобновленных службах, участвовала в крестных ходах, лично общалась со многими священниками. Ее публицистические статьи по религиозно-православной тематике, то и дело появляющиеся в городской газете «Кузнецкий рабочий», свидетельствовали о глубоком и неподдельном

¹ Коити Итокава. Достоевский. Любовь в Сибири [литературный перевод статьи Л. Никоновой «Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке»] // Bulletin of Niigata Sangyo University: Humanities. – 1995. – № 2 (September). – С. 33-52. [На япон. яз.].

² Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака // Достоевский и современность: материалы межрегиональной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. С. 16-25.

³ Никонова Л. Мир благословенный: книга прозы. Кемерово: Сибирский писатель, 2006. С. 262-275.

⁴ Никонова Л. Кузнецкий венец // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1986. – 1 февр. или Никонова Л. Кузнецкий венец // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1988. – № 3. С. 73-79.

⁵ Никонова Л. «Достоевский и Исаева. 1857» // Знакомый мир неузнаваемый. – Кемерово: Кемеровский редакционно-издательский дом «Книга», 2011. С. 102.

интересе к жизни христианского мира. Позднее из-под ее пера выйдут поэтические строки о важнейших вехах летописи православных святых Кузбасса: «Стихи на обретение колоколов. Кузнецк. 1994» (1994), «Богослужение в кузбасском городке» (1995) и др.

Над своим очерком Любовь Никонова работала в год празднования 170-летнего юбилея Ф. М. Достоевского и в год получения новокузнецким литературно-мемориальным музеем писателя статуса самостоятельного учреждения культуры. Кроме того, именно в это время режиссер О. В. Морокова и сценарист Н. С. Серегина снимают в городе документальный фильм «Кузнецкие венцы» (1991) о 22-дневном пребывании писателя и о судьбе творческой интеллигенции в Сибири. В нем Любовь Алексеевна выступает не только как актер, один из героев документальной ленты, но и как исполнитель собственных поэтических творений.

Напряжённая работа писательницы над заметками о русской духовности «В сиянии любви и милости» привела ее в начале 1990-х годов к новым поворотам в раскрытии темы. За год до появления очерка «Достоевский и Исаева...» она создает цикл прозаических миниатюр «Хождение по святым местам», где обращается к истокам христианской культуры, детально изучает православные понятия, символы и праздники. Некоторые из них дали названия ее свежим произведениям: «Акафист», «Святая вода», «Введение во храм», «Благословение», «Любовь» и др. А в год создания данного научного исследования в цикле миниатюр «Сокровище тишины» вновь погружается в символические значения христианских праздников, жестов, обрядов: целование, моление, младенец сакральный, Господственная Пасха... В таком контексте постижение сущности православного таинства брака на примере судьбы и творчества гения мировой литературы представляется как никогда закономерным.

Жанровое своеобразие очерка очень специфично. Несмотря на то, что автор определяет этот необычный текст как «исследование», он по сути является современным трактатом, «научным сочинением в форме рассуждения (часто – полемически заостренного)»¹. Это «философское, теологическое или научное сочинение, содержащее изложение конкретной темы или постановку, обсуждение и разрешение проблемы»². Именно такую формально-содержательную структуру и имеет очерк Никоновой.

---

¹ Трактат – Новый словарь иностранных слов. – by EdwART, 2009. – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36431 ТРАКТАТ, свободный (дата обращения: 29.02.2016).

² Касавин И. Т. Трактат // Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_epist/Traktat-740.html, свободный (дата обращения: 29.02.2016).

Логика мышления, соответствующая жанру трактата, была для нее органична. Эту мысль подтверждают и читательские предпочтения, упоминаемые ею в «Драгоценном списке любимых литературных произведений»¹; Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа; «Размышления о Божественной литургии» и «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя; «Семирамида» («Исследование истины исторических идей») А. С. Хомякова; «Азбука победы» Свяителя Николая Сербского.

Родственность публицистических размышлений и трактата прослеживается и в структуре работы, и в способах аргументации автора. Как и трактат, очерк Никоновой состоит из трех частей: внешний абрис «грозного чувства»; интерпретации любви Достоевского и Исаевой и озвучивание собственной точки зрения; трактовка второго брака литератора как подтверждение оригинальной позиции.

Авторский взгляд доминирует над всеми представленными источниками: воспоминаниями современников, точной хроникой событий, фрагментами из Священного Писания и молитв, теологическими текстами Павла Флоренского и художественными – Федора Достоевского (роман «Идиот»), эпистолярными посланиями литератора и его дневниковой записью у гроба М. Д. Исаевой от 16 апреля 1864 года, неточными цитатами Александра Блока, высказываниями Амвросия Оптинского, воспоминаниями А. Г. Сниткиной и кузнецких свидетелей венчания. При этом, несмотря на сложную вязь публицистического, религиозно-философского, эпистолярного, литературно-художественного и историко-краеведческого элементов, текст сохраняет свою узкую специализацию.

Одна из главных мыслей Л. А. Никоновой заключается в том, что в достоевковедении до сих пор преобладают только мирские интерпретации любви Достоевского и Исаевой, а православное христианское воззрение остается не востребованным, не раскрытым.

Ценно, что автор указывает на христианскую многоликость любви писателя и определяет ее составляющие: «Если кузнецкое венчание (6 февраля 1857 года) явилось апофеозом первой любви Достоевского, «милосердствующей», то его «верующая» любовь достигла наивысшего

---

¹ Никонова Л. А. Сокровенное свечение: из опыта читателя // «Распорядилась так судьба...»: творчество Любови Никоновой / Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Библиотека «Фесковская»; [сост.: Горбатова Т.В.]; ред., сост. библиографии: Киреева Т. Н.]. - Новокузнецк; [б. и.], 2011. – С. 34.

выражения в первые часы после смерти Марии Дмитриевны (16 апреля 1864 года)»¹.

Для понимания истинного значения этих слов и причин несчастья первого брака писателя Никонова обращает нас и к личности самого Достоевского, и к образам его спутниц по жизни. Такой двусторонний подход, пожалуй, осуществляется в исследовании впервые.

По Никоновой, Достоевский в своей любви к Исаевой предстает фигурой спасительной. Его главная цель – «всеми средствами поддержать, спасти измученную, одинокую, недугующую душу»². Но трагедия в том, что он не успевает это сделать. Мария Исаева – «натура, сожженная отчаянием»³ – еще до венчания прошла точку невозврата. «Достоевский состоял в браке с женщиной уже уходящей с земли, уже почти не присутствующей в этой жизни – ни душою, ни телом»⁴.

В дневниковой записи 1864 года писатель объясняет свои взаимоотношения с супругой с точки зрения христианской любви, сверяя собственный опыт с высшим идеалом, со Христом. Никонова, вслед за ним, измеряет уровень его семейного счастья мерой православного учения о жертвоприношении. Главная причина трагедии первого брака Достоевского видится в том, что брачная «жертва... была недостаточной»⁵. Это – грех, а значит – страдания. «Дневниковая запись от 16 апреля 1864 года стала словом покаяния»⁶, – оставляет меткое наблюдение Никонова, открывая тем самым неведомые пути в прочтении романов Великого Пятикиндия.

Второй брак великого романиста, несмотря на «ряд поразительных совпадений»⁷, рассматривается Л. А. Никоновой как противоположность первого. Это «путь к торжеству христианского брака»⁸ и семейному счастью, которые стали возможны только при «полной жертве с обеих сторон»⁹.

---

¹ Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака. Машинопись, авторский текст. – 1991. – Фонд НЛММД (Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Достоевского). Личный фонд Л. А. Никоновой. – ВХ – 756. Лист 9.

² Там же, лист 5.

³ Там же, лист 8.

⁴ Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака. Машинопись, авторский текст. 1991. Фонд НЛММД (Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Достоевского). Личный фонд Л. А. Никоновой. ВХ – 756. - Лист 8.

⁵ Там же, лист 10.

⁶ Там же, лист 11.

⁷ Там же, лист 11.

⁸ Там же, лист 13.

⁹ Там же, лист 13.

Представлен и обобщённый образ зрителя:

Мы решили, что для нашего зрителя ближе классика. По крайней мере удачный опыт с произведениями Достоевского нас убедил. Да, кстати, 22 ноября у нас состоится ночь в театре, в которую мы на всех наших площадках покажем не только инсталляции, связанные с творчеством Фёдора Михайловича, но и все эскизы по Достоевскому, которые показали на лаборатории в прошлом сезоне (источник: <https://kuzrab.ru>, 10.09.2014).

Анализ репрезентантов оценки в современном медиатексте о театре позволяет заинтересовать студентов, привлечь их внимание к театральному искусству, к интерпретации произведений писателей-классиков и молодых авторов, к творчеству современных режиссёров и актёров, выявить параметры оценки и своеобразии оценочной позиции, основанной на ценностной картине мира, специфику актуализации визуальных оценочных средств в контексте и особенности функционирования окказиональных оценочных репрезентантов, связь оценочных средств с эмоционально-экспрессивной окраской текста.

Библиографический список

2.1.1

1. Владимиров О. Н. Творчество Достоевского в вузовских теоретико-литературных курсах (из опыта работы) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан; отв. ред. А. А. Балакай. – Выпуск XII. – Новокузнецк - Красноярск, 2020. – С. 313–321.

2. Волгин И. Л. «Гений – тайна не личная» // Литературная газета. – 2011. – 1-7 июня. – № 22 (6324). – С. 10.

3. Гревнев М. М. «Так не бывает» ... Но так было! (воспоминание о Любви Никоновой) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://журнальныймир.рф/content/tak-ne-byvaet-po-tak-bylo> (дата обращения: 15.06.2020).

4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах. – Л.: Наука, 1976. – Том 14. – Книги I-X. – 512 с.

5. Захаров Г. П.: словарная статья // Федор Михайлович Достоевский и Кузнецк [Электронный ресурс ЦГБ имени Н. В. Гоголя Новокузнецка]. - Режим доступа: https://dostoevsky.libnvkz.ru/?page_id=372 (дата обращения: 06.01.2020).

6. Здравствуй, мир!: альманах / гл. ред. И. Н. Вострикова, лит. ред. Л. А. Никонова. - Новокузнецк: издание СОШ № 27, 1996. – № 1. – 84 с.

7. Здравствуй, мир!: альманах / гл. ред. И. Н. Вострикова, лит. ред. Л. А. Никонова. Новокузнецк: издание СОШ № 27, 1997. – № 3. 126 с.
8. Здравствуй, мир!: альманах / гл. ред. И. Н. Вострикова, лит. ред. Л. А. Никонова. Новокузнецк: издание СОШ № 27, 1998. – № 6. – 164 с.
9. Колядич Е. Г. Мотивы Ф. М. Достоевского в творчестве Л. А. Никоновой // Традиции храня и умножая: материалы педагогических краеведческих чтений... / под общ. ред. Н. П. Недоспасовой, Е. А. Нагрелли, Г. И. Хлебоказовой. - Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2013. – С. 43- 44.
10. Корнилов В. Н. Жена Достоевского: [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://45ll.net/vladimir_kornilov/zhenadostoevskogo.html (дата обращения: 12.02.2020).
11. Корнилов В. Н. Жена Достоевского: стихотворение, переписанное рукой Л. А. Никоновой. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ – 191. Лист 1.
12. Никонова Л. А. Весна на Форштадте: рассказ. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Тетрадь «Собственные письма». Рукопись. 10 апреля, 1983. ВХ – 198/7. Листы 1-10б.
13. Никонова Л. А. Волна блаженства и волна страдания: цикл стихов по мотивам Ф. М. Достоевского // Кузнецкая крепость. – Новокузнецк, 2002-2003. – № 5-6. – С. 92-95.
14. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке [Текст] / Любовь Никонова // Кузнецкий рабочий. – 1991. – 31 октября (№ 203). – С. 3.
15. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке / стихи // Кузнецкая крепость: роман-газета – М., 1994. – № 11. – С. 39-42, 53.
16. Никонова Л. А. Драгоценный список любимых литературных произведений. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ – 110. Листы 9-10.
17. Никонова Л. А. «Духовной жаждою томим». НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ - 110. Листы 1-8.
18. Никонова Л. А. «Евангелие – настольная книга Федора Михайловича Достоевского» / Любовь Алексеевна Никонова // Усятская россыпь. - Прокопьевск, 2012. – Октябрь (Выпуск 9). – С. 10.
19. Никонова Л. А. Загадка спасения: стихотворения – Кемерово: Сибирский родник, 1993. – 64 с.
20. Никонова Л. А. Знакомый мир неузнаваемый: стихотворения. Кемерово: Кемеровский редакционно-издательский дом «Книга», 2011. – 128 с.
21. Никонова Л. А. Из старой тетради // Кузнецкая крепость: литературно-художественный альманах. - Новокузнецк, 2000. – № 3. – С. 42.
22. Никонова Л. А. Кузнецкий венец // Кузнецкий рабочий. 1986. 1 февраля. – С. 4.
23. Никонова Л. А. Кузнецкий венец // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1988. – № 3. – С. 73-79.

24. Никонова Л. А. Лик города // Здравствуй, мир!: альманах. Новокузнецк: издание школы № 27 г. Новокузнецка, 1998. – № 6. – С. 7.
25. Никонова Л. А. Над звездами горящая звезда: стихотворения – Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – 175 с.
26. Никонова Л. А. Перед чудом жизни: проза и поэзия живого мира. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990. – 304 с.
27. Никонова Л. А. Сокровенное свечение. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ – 110. Листы 1-10.
28. Никонова Л. А. Струна звенит в тумане: откровения поэта [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://журнальныймир.рф/content/struna-zvenit-v-tumane> (дата обращения: 15.06.2020).
29. Никонова Л. А. Чтоб воскреснуть на этом лугу: стихотворения Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 1997. -- 156 с.
30. Никонова Любовь Алексеевна (03.01.1951 04.05.2012): словарная статья // Имя в истории города [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/imya-v-istorii/nikonova> (дата обращения: 15.05.2020).
31. Никонова Любовь Алексеевна: словарная статья / Литературная карта Кузбасса [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://f.kemrsl.ru/litmap/> (дата обращения: 15.05.2020).
32. Обжигающий: словарная статья [Электронный ресурс] // Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. - 2014. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/обжигающий> (дата обращения: 04.05.2020).
33. Обжигающий: синонимы [Электронный ресурс] // Словарь синонимов. – Режим доступа: <https://sinonim.org/s/обжигающий#f> (дата обращения: 04.05.2020).
34. Письмо Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой. Новокузнецк. 10 сентября, 1982. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 10. Л. 1, 1об., 2.
35. Письмо Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой. Новокузнецк. 16 октября, 1982. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 12. – Л. 1, 1об., 2.
36. Письмо Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой. Новокузнецк. 27 ноября, 1982. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 16. – Л. 1, 1об., 2, 2об.
37. Письмо Л. А. Никоновой подруге В. А. Куртовой. Новокузнецк. 5 декабря, 1982. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Письма. Рукопись. ВХ – 17. – Л. 1, 1об., 2.
38. План работы городского литературного объединения «Гренада» на 2006 год, составленный Л. А. Никоновой. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ – 123. Листы 1-3.

39. План работы городского литературного объединения «Фесковские литераторы» на 2011 год, составленный Л. А. Никоновой. НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ – 124. Листы 1-3.

40. Протопопова Е. Э. Никонова Любовь Алексеевна: словарная статья // 400 знаменитых новокузнецчан [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://новокузнецк400.рф/persons/72-nikonova.html> (дата обращения: 15.05.2020).

41. Пушкарева И. А. Краеведческие доминанты в дискурсе городской печати «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX – начала XXI века: семантико-стилистический анализ: монография / И. А. Пушкарева; под ред. проф. Н. С. Болотновой; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации. Новокузнецк. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – 2-е изд., испр. Новокузнецк – Красноярск: НФИ КемГУ, Полиграфическая компания «Sital», 2019. 360 с.

42. Пушкарева И. А. О семантико-стилистическом воплощении образа города в газетном тексте краеведческого характера (тема «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий») // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 3 (23). – Томск, 2013. – С. 24-33.

43. Пушкарева И. А. Стилистический анализ регионального медиатекста: Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай. – Выпуск XII. Новокузнецк Красноярск. 2020. С. 210-219.

44. Пушкарева И. А. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX в.: семантико-стилистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. – № 6 (38). – Томск, 2015. – С. 67-85.

45. Сазыкин А. С. «Похожи встречи на подарки»: к 65-летию Любови Никоновой // Огни Кузбасса. 2016. – № 3. С. 157-165.

46. Сараскина Л. И. «Достоевский ронаroshku» // Литературная газета. – 2011. – 1-7 июня. – № 22 (6324). С. 10.

47. Свасьян К. А. Достоевский и несть ему конца. К 100-летию со дня смерти [Электронный ресурс] // Свасьян К. А. Растождествления. – Режим доступа: https://rvb.ru/swassjan/toc_rast.htm (дата обращения: 30.04.2020).

48. Селезнев Ю. И. Достоевский. – Серия биографий «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая гвардия, 1990. – 3-е издание. 544 с.

49. Тетрадь Л. А. Никоновой «Стихи, заметки. 2003–2009 годы от Р.Х.». НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рабочие тетради. 2007 год от Р.Х. Рукопись. ВХ – 53. – Л. 1-96 с оборотом.

50. Титульный лист статьи Л. А. Никоновой «Поручаю себя Вашей доброй памяти...». НЛММД. Фонд Л. А. Никоновой. Рукопись. ВХ – 157. – Л. 1.

51. Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с

точки зрения православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. 2017. № 4 (68). – С. 12–16.

52. Трухан Е. Д. Зерна: публицистические и литературно-критические статьи. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – 276 с.

53. Фонд аудио- и видеоматериалов Л. А. Никоновой. НЛЛМД. Фонд Л. А. Никоновой. Видеокассеты. ВХ - 151, 152, 157, 159.

2.1.2

1. Белоусова О. О., Дашевская О. А. Поэтика цикла и книги в современном литературоведении // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск: Издательство ТГУ, 2014. – № 389. – С. 6-14.

2. Ветошкина З. А. Поэтический цикл как особая разновидность художественного текста: диссертация кандидата филологических наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. – 243 с.

3. Винокур Г. О. Критика поэтического текста. – М.: Государственная Академия художественных наук, 1927. – 134 с.

4. Волкова Е. В. Концепции мотива в современном литературоведении Преподаватель XXI век. Филологические науки. 2008. - № 1. – С. 89-94.

5. Гудкова С. П., Самойленко В. А. Лирический цикл путешествий в русской поэзии рубежа XX–XXI веков: традиции и новаторство // Art Logos. СПб: Ленинградский гос. ун-т им. Пушкина, 2019. - С. 54-66.

6. Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учебное пособие. Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 1983. 104 с.

7. Дарвин М. Н. Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988. – 137 с.

8. Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Т. III. «Роды и жанры» (основные проблемы в историческом освещении). – С. 467-493.

9. Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирических произведений: спецкурс, тексты лекций. Кемерово, 1997. - 40 с.

10. Дарвин М. Н. Цикл // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учебное пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; под ред. Л. В. Чернец. – М.: «Высшая школа»; «Академия», 1999. – С. 329-338.

11. Дарвин М. Н. Циклизация в лирике. Исторические пути и художественные формы: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; АОЗТ «Кузбассвуиздат», 1996. – 43 с.

12. Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. – 293 с.

13. Зайнутдинова В. Р. Тема венчания Ф. М. Достоевского и М. Д. Исаевой в стихотворении Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева в Кузнецке» [Электронный ресурс] // Образовательная социальная сеть «nsportal». – Режим доступа: <https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2020/12/05/tema-venchaniya-f-m-dostoevskogo-i-m-d-isaevoy-v>, свободный (дата обращения: 11.06.2022).

14. Касаткина Т. А. Богословие Достоевского: описание изнутри // Богословие Достоевского: коллективная монография. ответственный редактор Т. А. Касаткина. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2021. – С. 157-266.

15. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». – М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

16. Колядич Е. Г. Мотивы Ф. М. Достоевского в творчестве Л. А. Никоновой // Традиции храня и умножая: материалы педагогических краеведческих чтений... / под общей редакцией Н. П. Недоспасовой, Е. А. Нагрелли, Г. И. Хлебоказовой. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2013. С. 43- 44.

17. Ляпина Л. Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. – Донецк: Донецкий государственный университет, 1977. С. 164-166.

18. Ляпина Л. Е. Феномен любовного лирического цикла в историко-литературной перспективе // Европейский лирический цикл: материалы международной научной конференции. М.: РГГУ, 2003. – С. 83-98.

19. Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – 279 с.

20. Никонова Л. А. Волна блаженства и волна страдания: цикл стихов по мотивам Ф. М. Достоевского // Кузнецкая крепость. Новокузнецк, 2002-2003. – № 5-6. – С. 92-95.

21. Никонова Л. А. Волна блаженства и волна страдания: по мотивам Ф. М. Достоевского // Никонова Л. А. Знакомый мир неузнаваемый: стихотворения. – Кемерово: Кемеровский редакционно-издательский дом «Книга», 2011. С. 85-102.

22. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. – 1991. 31 октября (№ 203). – С. 3.

23. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке (стихи) // Кузнецкая крепость: роман-газета – М, 1994. – № 11. – С. 39-42, 53.

24. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака // Достоевский и современность: материалы межрегиональной научной конференции. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – С. 16-25.

25. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Никонова Л. А. Мир благословенный: книга прозы. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – С. 262-275.
26. Никонова Л. А. Над звездами горящая звезда: стихотворения // Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – 175 с.
27. Никонова Л. А. Перед чудом жизни: проза и поэзия живого мира. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990. – 304 с.
28. Никонова Л. А. Сокровище тишины // Никонова Л. А. Мир благословенный: книга прозы. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006. – С. 234-253.
29. Пепеляева Е. В. Исследовательская циклизация лирики как теоретическая проблема // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – Выпуск 2 (18). – С. 174-180.
30. Поэзия: учебник / авт.-сост. Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер, К. М. Корчагин [и др.]; под общ. ред. Н. М. Азаровой, К. М. Корчагина, Д. В. Кузьмина. – М.: ОГИ, 2016. – 886 с.
31. Пушкарева И. А. Стилистический анализ регионального медиатекста Л. А. Никонова о Ф. М. Достоевском // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. сборник научных статей / науч. ред. Е. Д. Трухан; отв. ред. А. А. Балакай. – Выпуск XII. – Новокузнецк - Красноярск, 2020. – С. 210-219.
32. Сапогов В. А. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе: сборник статей. – Даугавпилс: Даугавпилский педагогический институт, 1980. – С. 90-97.
33. Топалова Д. Ю. Лирика Д. Н. Кугультинова (на примере поэтического цикла «Жизнь и размышления») // Вестник Волгоградского государственного университета. - Серия 8 «Литературоведение». – Волгоград, 2014. – № 1 (13) – С. 29-32.
34. Трухан Е. Д. «Обжигающее имя Достоевский» (Ф. М. Достоевский и творческом сознании новокузнецкого писателя Л. А. Никоновой) // Язык Культура. Этнос. Чтения памяти Э. Ф. и Ф. Г. Чиспяковых: сборник научных статей / Науч. ред. В. М. Телякова, отв. ред. И. А. Пушкарева. – Новокузнецк Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»; Красноярск: Sitall, 2021. – С. 391-408.
35. Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака» // Библиотечная жизнь Кузбасса. – 2017. – № 4 (68). – С. 12-16. – Режим доступа: https://dostoevsky.libnkvz.ru/wp-content/uploads/2011/09/Трухан_Своеобразие-и.pdf
36. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь. Тверской государственный университет, 1992. – 123 с.

37. Фоменко И. В. О поэтике лирического цикла: учебное пособие. – Кишинев: Издательство КГУ, 1984. – 79 с.
38. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореферат диссертации доктора филологических наук. – М: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1990. – 31 с.
39. Хашиева П. А., Царева Н. А. К вопросу о поэтике стихотворного цикла в Пастернака «Гражданская триада» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 12-5. – С. 49-55.
40. Хашиева П. А. Стихотворный цикл «Тема с вариациями» в Л. Пастернака в контексте литературной традиции // Русский язык и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1 (15). – 126-142.
41. Хорошавина Т. В. Ритм как фактор циклообразования в лирических книгах М. А. Волошина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 131-135.
42. Целкова Л. Н. Мотив // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учебное пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др.; под ред. Л. В. Чернец. – М.: «Высшая школа»; «Академия», 1999. – С. 136-140.

2.1.3

1. Достоевский Ф. М. Письма 1832-1859 // Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Ленинград: Наука, 1985. – Том 28. – Часть 1. – 477 с.
2. Касавин И. Т. Трактат // Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_epist/Traktat-740.html, свободный (дата обращения: 29.02.2016).
3. Кузнецк в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]: [тексты книг и статей, посвященных Кузнецкой орбите Ф. Достоевского, а также проблеме сохранности и функционирования Новокузнецкого Дома Достоевского /М. Кушникова и В. Тогулев]. – Электрон. дан. – [Кемерово], 1990-2004. – Режим доступа: http://kuzbasshistory.narod.ru/dostoevsky/tit_dost.htm, свободный (дата обращения: 29.02.2016).
4. Коити Итогава. Достоевский. Любовь в Сибири [литературный перевод едэты Л. Никоновой «Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке»] // Bulletin of Niigata Sangyo University: Humanities. – 1995. – № 2 (September). – С. 33-52. [На япон. яз.].
5. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки зрения православного таинства брака. – Машинопись, авторский текст. – 1991. – Фонд НЛММД (Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Достоевского). – Личный фонд Л. А. Никоновой. – ВХ – 756. – Листы 1-13.

6. Никонова Л. Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. — Новокузнецк, 1991. — 31 окт. С. 4.
7. Никонова Л. Достоевский и Исаева: Венчание в Кузнецке Литературный Кузбасс. — Кемерово, 1993. — № 1. — С. 101-106.
8. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Роман-газета «Кузнецкая крепость». М., 1994. № 11. С. 39-42.
9. Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке Исследование с точки зрения православного таинства брака // Достоевский и современность: материалы межрегиональной научной конференции. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. — С. 16-25.
10. Никонова Л. Кузнецкий венец // Кузнецкий рабочий. — Новокузнецк, 1986. 1 февр.
11. Никонова Л. Кузнецкий венец / Огни Кузбасса. — Кемерово, 1988. — № 3. — С. 73—79.
12. Никонова Л. Мир благословенный: книга прозы. — Кемерово: Сибирский писатель, 2006. — 320 с.
13. Никонова Л. «Достоевский и Исаева, 1857» // Знакомый мир неузнаваемый. — Кемерово: Кемеровский редакционно-издательский дом «Книга», 2011. — С. 102.
14. Никонова Л. А. Сокровенное свечение: из опыта читателя // «Распорядилась так судьба...»: творчество Любови Николовой Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н.В. Гоголя, Библиотека «Фесковская»; [сост.: Горбатова Т.В.; ред., сост. библиографии: Киреева Т. Н.]. — Новокузнецк; [б. и.], 2011. — С. 24-35.
15. Трактат // Новый словарь иностранных слов. by EdwART, 2009. [Электронный ресурс] — Электрон. дан. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36431/ТРАКТАТ, свободный (дата обращения: 29.02.2016).
16. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. — М.: Наука, 1988. — 256 с.

2.2

1. Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений. I «Воспоминание» Пушкина // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. — С 26—44.
2. Никонова Л. А. Кузнецкий венец // Кузнецкий рабочий. — 1986. — 1 февраля.
3. Никонова Л. А. // Имя в истории города [Электронный ресурс ЦГБ Новокузнецка]. — Режим доступа: <https://libnvkz.ru/chitateliam/npovokuznetske/imya-v-istorii/nikonova> (дата обращения: 06.01.2020).
4. Трухан Е. Д. Своеобразие и аксиологическая значимость очерка Л. А. Никоновой «Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке. Исследование с точки